

Ю. А. Васильев
**«Кризис истории» –
 кризис понимания
 истории**

В последнее время высказывается мнение о кризисе мировой исторической науки как некоей серьезной опасности, которая может стать губительной для нее. В данной постановке смещается акцент: можно утверждать о проявлении кризиса в понимании истории, но не кризиса исторической науки! Подобное уже случалось неоднократно.

В XIX веке имел место кризис, выявивший несостоятельность «чистого описания» истории. Он был порожден пониманием истории в духе позитивизма, который ограничивал область теоретических изысканий в области истории. Историки-позитивисты (Л. Ранке, Б. Г. Нибур, Й.-Г. Дройзен, Т. Момзен, Ш. Сеньобос, Ш. Ланглуа, Ф. де Куланж) не считали исторический факт сложной проблемой. Свою задачу они видели в кропотливом сборе фактов, которые как бы «говорили сами за себя». Ученые работали в полной уверенности, что после того, как источники признаны подлинными, содержащиеся в них данные так же должны быть достоверными. Позитивисты стремились построить методологию истории по образцу естественных наук, подняв значение поиска исторических фактов как прочных элементов знания.

В XIX веке преобладающей формой в историографии была «история-рассказ» («нарратив»),

творцы которой не особенно задумывались над выяснением причин тех или иных событий, в результате доминировали описательность и эмпиризм.

В первой половине XX века был найден путь преодоления кризиса понимания: история стала отходить от фетишизма фактов. Примечательна в этой связи формулировка, предложенная английским историком Эдвардом Карром: «история — это интерпретация» (Карр 1969: 28).

В XX веке западная теоретическая мысль вращалась преимущественно вокруг проблемы исторического объяснения, что связано с появлением различных исторических направлений («концептуальная история», «интеллектуальная история», «романсированная история», «персонифицированная история», «виртуальная история» и т. д.).

Французская историческая школа «Анналов» предложила отказаться от «рассказывающей истории» в пользу истории-интерпретации. Если раньше многие историки уповали, прежде всего, на «красноречие» источника, то «анналисты» решительно подчеркивали главенствующую роль в истори-

ческом познании самого исследователя, который не старается пересказать все, что было даже самого важного в прошлом, а предпочитает отбирать отдельные вопросы и объяснять их. Основоположники школы «Анналов» Люсьен Февр и Марк Блок выдвинули в противовес позитивистам иную концепцию деятельности историка: он должен быть не просто коллекционером фактов, не рабом источников, а действующим самостоятельно творцом, ставящим научную проблему, которая доминирует в его исследовании, определяя отбор материалов и угол исследования, под которым собранные им данные анализируются.

М. Блок сформулировал главную задачу истории как «понять» выше задачи «судить», поскольку привычка судить, в конце концов, отбивает охоту объяснять (Блок 1973: 77). Л. Февр дополнил данную формулировку: нужно уметь мыслить (Февр 1991: 38).

Однако Школа «Анналов» поставила в центр внимания в основном изучение цивилизационной культуры преимущественно на базе Средневековья, Возрождения и начала Нового времени. Она противопоставила политической и вообще «событийной» истории широкую палитру междисциплинарных исследований, проблемный (избирательный) подход к изучению исторических фактов. Эта школа, например, не допускает в предмет исследования мотивы поведения людей. Она абстрагируется от идеологии и политики. Представители «Анналов» не пытались подойти в хронологии исследований к XX веку, так как в этот период абстрагироваться от идеологических течений просто невыносимо. «Анналисты» соглашались с тем, чтобы история оставалась Золушкой в обществе других гуманитарных дисциплин.

Характерно, что они критически отнеслись к цивилизационной теории А. Тойнби, представленной в его фундаментальном многотомном труде «Изучение истории» («A Study of History»). Л. Февр избрал язвительно-ироническую форму для своих критических замечаний: «Атмосфера, прони-

занная дрожью перед величественной громадой Истории; чувство сенсации, вызванное у доверчивого читателя внушительным обзором всех этих тщательно пронумерованных цивилизаций, которые, подобно сценам мелодрамы, сменяют одна другую перед его восхищенным взором; неподдельный восторг, внушенный этим фокусником, который с такой легкостью жонглирует народами, обществами и цивилизациями прошлого и настоящего, тасуя и перетасовывая Европу и Африку, Азию и Америку; ощущение величия коллективных судеб и человечества и ничтожества отдельной личности, но вместе с тем и ее значимости, ибо, следуя руководству Тойнби, она обретает способность обозреть одним взглядом двадцать одну (ни больше, ни меньше!) цивилизацию, которые составляют основу человеческой истории... А это всеведение, эта сверхуверенность в себе, эти объяснения, столь исчерпывающие и толковые, что, прочитав всего полсотни страниц, приходишь к выводу, что до сих пор ты ничего ни о чем не знал, — и тут тебя охватывает лихорадочное желание научиться всему заново, ибо только теперь перед тобой открывается решение стольких редкостных и диковинных загадок...» (Февр 1991: 87–88).

Современный кризис понимания истории (в одной из интерпретаций — «методологический шок») может быть преодолен изменением приоритетов в методологии исторических исследований в сторону историософской направленности. В образной форме подобный подход сформулировал упоминавшийся уже Эдвард Карр: «те историки, которые и сегодня пытаются обойтись без философии истории, напоминают нудистов, тщетно и цинично стремящихся воссоздать райские кущи Эдема в наших садовых пригородах» (Карр 1969: 24). Как утверждал известный немецкий социолог и историк Вернер Зомбарт, нет теории — нет и истории. Методология истории в узком понимании представлена источниковедением, а в более широком опирается на достижения всех общественных наук и в особенности философии, социологии, политологии и психологии.

Конечно, речь не идет о методике удобного и привлекательного обрамления абстрактных теоретических конструкций разнообразными и яркими историческими примерами. Описательная особенность истории как науки при этом не отбрасывается. Но любой исторический факт может войти в исследование лишь при определенной теоретической конструкции. Фактические данные всегда истолковываются историком с точки зрения определенной концепции. Имея дело только с единичными, уникальными событиями и фактами, история не выступает некой «системообразующей» дисциплиной. История — синтетическая наука, использующая достижения и методы других общественных наук. Будучи многоотраслевой дисциплиной, история тесно соприкасается с другими общественными науками — философией, социологией, политологией, экономической наукой, культурологией, правоведением, этнографией, археологией, демографией и др. Философия и социология дают историкам теоретический фундамент, служат теоретической основой исторических исследований. Историк не может совершить никакой исследовательской работы, не может дать никаких объяснений исторических событий, если предварительно он не вооружен общенаучным понятийным аппаратом.

В теории исторического познания выделяют отрасли эмпирической историографии, историософии и исторической эпистемологии. Первая образует содержание и основу исторической науки. Две другие, нередко переплетаясь и сливаясь, долгое время развивались в недрах единого интеллектуального процесса, называемого философией истории. Однако их функции различны: историософия по существу представляет собой осмысление истории, точнее, теоретическое знание об истории, эмпирическое знание о которой дает историография. Объект знания историографии и историософии один и тот же — историческая реальность. Но предметы знания отличаются: первая описывает реальные события и ситуации в объективных процессах; вторая стремится понять

их необходимые связи, то есть закономерности, тенденции. Различаются и объекты исследования: историография имеет дело с историческими источниками; историософия опирается на вторичные исторические тексты. Историческая эпистемология есть теория исторического познания, охватывающего историософию и историографию (Ракитов 1982: 145–146).

В отечественной науке накоплен положительный опыт. Н. И. Кареев защитил в 1883 г. докторскую диссертацию на тему: «Основные вопросы философии истории». В его концепции «философия истории» относится к третьей, высшей ступени исторических знаний (эти ступени в его классификации названы как «исследование», «построение» и «мышление»). Свою методологическую позицию Кареев определил так: «Спор идеалистов и материалистов, дуалистов и монистов представляется безнадежным, и выхода из него нет...» (Кареев 1913: 10). Разделяя субъективный метод в социологии, он прямо распространял его на область исторических исследований. «Каждый историк, — утверждал он, — имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа..., из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов» (Кареев 1913: 12).

Методологические принципы исторической критики фактов, по Карееву, содержат два момента. Во-первых, это признание неравноценности всех фактов, почерпнутых из тех или иных источников. «Обозначим исторический факт, — писал он, — как сумму отдельных элементов a, b, c, d, e, f, g, h , выразим его формулой $a + b + c + d + e + f + g + h$, а затем представим себе, что о некоторых слагаемых, например, a, d, f, g у нас нет никаких данных, а о некоторых других есть лишь отрывочные данные; тогда все наше знание о факте выразится, положим, такой форму-

лой: $b + c/2 + e/3 + h$. Конечно, такое знание не будет полным, явится знанием со множеством пробелов, которые историк-художник или исторический романист восполнит работой своего воображения, а историк-ученый или мыслитель постарается восполнить путем логических рассуждений» (Кареев 1916: 88). Во-вторых, Кареев при этом не ставил под вопрос саму возможность объективного научного знания о прошлом. Он был убежден, что «историк не позволит себе сочинить то, чего заведомо не было, а если и внесет в свое повествование что-либо такое, о чем прямо не говорится ни в одном источнике, то лишь в качестве логического вывода из тех или других научно-обоснованных посылок» (Кареев 1916: 93).

Метод материалистического понимания истории в России не является изобретением марксизма, как это нередко представляется. Изучением экономических факторов в истории успешно занимались российские историки, в том числе В. О. Ключевский (1841–1911). Как отмечал известный российский экономист и публицист П. Б. Струве (1870–1944) «к числу тех историков XIX века, которые совершенно самостоятельно, по-видимому, помимо каких-либо прямых, книжных или «идеологических» влияний, действием собственного углубленного изучения фактов и собственной интуицией, пришли к признанию важности «экономического» фактора в процессе социального развития, принадлежит и В. О. Ключевский. Про свое поколение я смело могу сказать, что экономическому объяснению истории оно училось не только из «Капитала» Маркса, но и из «Боярской думы» Ключевского, где влияние хозяйственных сил и побуждений на социальную эволюцию русского допетровского общества было изображено с такой классической пластичностью, которую никогда не располагал Маркс» (Струве 1952: 332).

Союз историков и философов мог бы значительно расширить возможности для создания прочной теоретической базы исторической науки, для ее становления, что позволило бы гораздо глубже постигать со-

держание исторического процесса, совместными усилиями (и историков, и философов) раскрывать внутренние причинно-следственные связи исторических событий и явлений. Однако слишком энергичное вторжение философии в сферу исторического познания, к сожалению, не способствовало укреплению союза двух научных дисциплин, и именно потому, что исторической науке отказывали в ее неоспоримом праве на системный анализ и толкование истории. Некоторые философы, как, например, Г. Риккерт (1863–1936), всячески оправдывали такое положение дел. По его мнению, история, которую он относил исключительно к эмпирическим наукам, считая ее задачей выяснение единичных, неповторимых явлений и событий, не должна претендовать на широкие теоретические обобщения и концептуальное мышление. Признание такого права лишь за философией Риккерт объяснял тем, что история, по его мнению, не дает ответа на вопрос, кто является «носителями эпох исторического универсума, отдельные личности или движения масс» и что представляют собой «наиболее обширные члены единичного процесса развития». Более того, он призывал историков «воздерживаться от прямой оценки своих «объектов» и «отклонить историзм как мировоззрение», ибо «философия истории не может обойтись без категории прогресса, необходимой ей для того, чтобы подняться над нигилизмом историзма» (Риккерт 1998: 189, 190).

Вертикальный и горизонтальный подходы к истории могут успешно существовать, находясь во взаимосвязи. Не в последнюю очередь такой диалог был затруднен тем, что в прошлую жизнь человечества привносились современные понятия, взгляды и оценки, которые часто не соответствовали исторической действительности, а потому отторгались как инородные тела (Искендеров 2005: 16-17).

Невозможен единый подход к истории, отражающий одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного

и многослойного мира истории с его чрезвычайно разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно продуманным, единым схемам и моделям развития. В этой связи некоторые исследователи высказывают определенное опасение: если не попытаться выработать единую, общепринятую концепцию исторического процесса, которая легла бы в основу исторического познания, и более того, если считать подобную задачу в принципе нерешаемой и неосуществимой, то не превратит ли это историческую науку, которую и без того многие науки не считают в эклектику, а историков в эклектиков, и не приведет ли это к тому, что история окончательно лишится своего научного статуса. Эти вопросы волнуют многих историков. Английский историк П. Берк, автор книги «История и социальная теория» убежден: ни одна, даже самая передовая теория, не в состоянии охватить и объяснить весь многогранный исторический опыт людей и всего человечества. В этих условиях историку приходится из множества различных теорий и концепций выбирать ту, которая способна оказать ему реальную помощь при изучении той или иной темы или проблемы. В этом, считает Берк, нет никакого эклектизма. Февр утверждал: если под теоретическим эклектизмом, якобы присущим историкам, подразумевается «отыскание идей в разных местах, то я с радостью признаюсь в том, что я эклектик. Быть открытым новым идеям, откуда бы они ни исходили, и быть способным применить их к определенным собственным целям, найти способ проверить их обоснованность — вот отличительная черта и хорошего историка и хорошего теоретика» (Февр 1991: 96).

Разумеется, претенденты на роль авторов всеохватывающих и всеобъемлющих исторических теорий и концепций время от времени будут несомненно, появляться (пример с современным бизнес-проектом Фоменко и Носовского и их последователями показателен). Но сегодня гораздо важнее вопрос: каким образом восстановить в науч-

ных правах историческую науку, а исторические знания сделать достоверными, объективными и не ангажированными какими-либо политическими и идеологическими установками?

Осуществляемая исследователем «историческая реконструкция» требует от него известного воображения, что сближает его труд с писательским, но в любом случае история допускает лишь домыслы, а не вымысел. Необходимым компонентом исторического метода является правильно понятая интуиция, — не идеалистически трактуемая врожденная способность познания, а приобретенное чутье исследователя, угадывающего истину на основе большого собственного опыта и фактических знаний. Конечно, нельзя исключать, что историки могут не импонировать те или иные факты или даже периоды истории, и он может их либо замалчивать, либо трактовать предвзято. Для обобщающих трудов, включая учебники по истории, призванные обозревать большие исторические периоды, этот метод может быть вреден, ибо вместо объективного синтеза данных многих исследований такие труды могут свестись к произвольным социологическим схемам автора или группы авторов. «...Всякая история есть выбор, — заявлял Л. Февр. — Она есть выбор уже в силу случайности, которая уничтожает одни следы прошлого и сохраняет другие. Она есть выбор в силу особенностей человеческого мышления: как только документы накапливаются в избыточном количестве, исследователь начинает сокращать и упрощать, подчеркивать одно и сглаживать другое. Наконец, — и это самое главное, — она есть выбор в силу того, что историк сам создает материалы для своей работы, или, если угодно, воссоздает их: он не блуждает наугад по прошлому, словно тряпичник в поисках случайной наживы, а отправляется в путь, имея в голове определенный замысел, проблему, требующую решения, рабочую гипотезу, которую необходимо проверить» (Февр 1991: 14).

В последние годы довольно явно обозначилась тенденция, которую условно

можно определить как расширение и обновление содержания всемирного исторического процесса, рассмотрение отечественной истории в его контексте. Эта тенденция проявляется в нарастающем с каждым годом интересе ко все новым темам и проблемам, исследование которых значительно расширяет наши представления о материальной, культурной и духовной жизни народов в разные исторические эпохи и в разных условиях и обстоятельствах. При этом меняется не содержание исторического процесса, а оценки тех или иных его проявлений, что значительно обогащает его в глазах современников, повышает их интерес к различным сторонам прошлой жизни человечества: формам государственного устройства и народнохозяйственной деятельности, мировоззренческим взглядам, религиозным верованиям, особенностям национальных культур, великим событиям истории и великим историческим личностям.

Фокус исследований историков переместился с больших коллективов на индивида, с окружающих человека обстоятельств — на человека в исторически конкретных обстоятельствах. Неприятие духовности и фактическое лишение исторической жизни ее духовных сторон и нравственных ценностей привело к тому, что духовно-нравственные и моральные принципы и ценности фактически оказались за рамками содержания мирового исторического процесса, как оно понималось и трактовалось материалистической философией истории, которая ограничивала это содержание преимущественно материальными факторами и социально-экономическими отношениями. Это привело, с одной стороны, к существенному обеднению содержания истории, резкому сужению самого предмета исторической науки, а также

к недооценке гуманистических, религиозных и культурных факторов, их роли и места в историческом процессе.

В системе исторического познания важное место занимает выявление побудительных мотивов, предопределяющих ход человеческой истории, взлеты и падения, крутые и неожиданные повороты в судьбах народов, государств, цивилизаций и культур.

История — объясняющая наука. В системе общественных наук она занимает особое место, обусловленное тем объективным обстоятельством, что историческое сознание является незаменимой составной частью национальной культуры. Поэтому историки должны дать научно-обоснованные и нравственные ориентиры понимания истории. Каждое большое событие оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Поэтому его надо правильно истолковывать и донести до людей, с тем, чтобы они сумели оценить свое историческое прошлое, понять, что без знания прошлого невозможно никакое будущее.

Лит.: Блок М. Апология истории. М., 1973; Искендеров А. А. Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. № 4; Кареев Н. Теория исторического знания. СПб., 1913; Кареев Н. Историка: Теория исторического знания. 2-е изд. Пг., 1916; Карр Э. История и факты // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М., 1969; Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998; Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952; Февр Л. Бой по истории. М., 1991.